

В чём ошибся Робинзон Крузо

Марина Катафьева

6+

Марина Катафьева

В чём ошибся Робинзон Крузо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64149946

SelfPub; 2021

Аннотация

Может ли космонавт взять в полёт личные вещи? Володя собрал свой контейнер. В нём фотография, плюшевая мышь в качестве индикатора невесомости и книжка, которую подарил маленький племянник. Это "Робинзон Крузо" Даниэля Дефо. Володя начнёт читать книгу на шестьдесят второй день полёта – первого в истории человечества полёта за пределы Солнечной системы.

Марина Катафьева

В чём ошибся

Робинзон Крузо

Сначала звездолёт показался на экране радара дальнего действия – длинный светло-зелёный росчерк. Капитан У приказал сбросить скорость.

– Объект вошёл в зону действия сканера.

– Сильно не приближайтесь. Начинайте сканирование, – распорядился капитан У.

Без сканера никак: ближайшая звезда светила звездолёту в корму.

На экране постепенно возникали очертания необычной конструкции: вытянутый цилиндр, нет выраженных крыльев, на корме массивные дюзы.

– Какой же он здоровый, – пробормотал кто-то.

Капитан У не стал делать замечание: он разглядывал недостроенную трёхмерную модель чужого звездолёта. Учёные назвали примерные размеры от пятнадцати до двадцати шести палардов. Угадали, здесь без малого двадцать четыре. Но одно дело смотреть на цифры в прогнозах, а другое – лететь бок о бок с этой машиной. Он же в сотни раз больше их собственного корабля!

Страшнее всего, что эта громадина обитаема.

С неё выпустили контейнер. Рулевой И в последний момент заметил летящий объект и бросил корабль в сторону. Короткая перегрузка побила незакреплённые предметы и погубила несколько экспериментов учёных, но экипаж отделался ушибами.

Объект оказался прозрачным пластиковым контейнером. Внутри лежали разномастные металлические изделия и записка с неровными краями и корявыми символами. Записку не расшифровали. Символы трактовали по-разному, от религиозного узора до сигнала бедствия и координат.

Учёные рассчитали траекторию полёта контейнера. Посоветовавшись с начальником экспедиции, капитан У повёл корабль в указанную область и заметил рядом звездолёт.

Сканирование подходило к концу. Наверху проплывал округлый бок гиганта, на котором выделялся ряд ярких кругов. Иллюминаторы.

– Командир, что дальше?

Капитан У шевельнул вибриссами.

– Вон тот тёмный иллюминатор – подходи к нему. Заглянем внутрь.

Рулевой И наклонился к пульту. Его дублёр А не сводил фасетчатых глаз с махины звездолёта. Старший помощник О тоже смотрел на чужака, его левая вибрисса едва заметно подрагивала. Если бы не железная дисциплина, старпом обязательно бы повторил:

– Слишком рискованно, командир. Мы вполне можем за-

стать существо внутри в состоянии аффекта. Что мы будем делать? Он же просто гигант...

Капитан У снова бы ответил:

– Постараемся себя не обнаружить.

Лучше бы не соваться сразу, а подождать, понаблюдать за звездолётом издалека. Недолго, акоранда три-четыре. Но если записка была сигналом бедствия, существо внутри может погибнуть.

– Командир, – вполголоса начал старпом. – Мы даже не знаем, разумное оно или нет.

– Радиосигнал! – воскликнул дежурный. – От него!

Старпом метнулся к коммуникатору. Пока он требовал от учёных разобраться, что за сообщение передают со звездолёта, капитан У отменил сближение.

– Сигнал повторяется, – доложил дежурный. – Он циклический... Такой же сигнал на другой частоте! И ещё на одной. Содержание везде одинаковое.

– Ждём.

Пока ждали расшифровку, на носу чужого звездолёта зажглись огни и тут же погасли. Снова зажглись и погасли. И опять.

Коротко пискнул коммуникатор: учёные справились с переводом. Капитан и старпом склонились над текстом, задев друг друга вибриссами и даже не заметив этого.

– Это уже похоже на действия разумного существа, – заключил старпом.

– Включить позиционные огни, – приказал капитан У. – Рулевой И, к первому же светлому иллюминатору. Рулевой А, включите прожектор. Для начала помигаем в ответ.

***

Володя щёлкнул выключателем. Лампа в комнате погасла, но прямо в окно светил оранжевый уличный фонарь. Володя приоткрыл форточку, вдохнул густой запах сирени и с сожалением задёрнул плотные шторы. Завтра вставать. Он наощупь добрался до кровати.

Ортопедический матрас едва заметно прогнулся под его весом, даже не скрипнув. В доме у Сашки все матрасы были ортопедическими – жена настояла. Мол, в их возрасте пора позаботиться о здоровье. Какой возраст, тридцать лет! Ну хорошо, Володе тридцать один, Сашка на пять лет старше. У Сашки жена и двое детей, Ариночка и Славик, а у Володи – великая миссия, первый полёт за пределы Солнечной системы в истории человечества.

Не надо сравнивать одно с другим, надо насладиться последней ночью у своих. Завтра с утра на Байконур, предполётная подготовка – и на старт. Туда, в космос. Очень далеко.

В дверь кто-то поскрёбся. Ручка повернулась, и на кровать упала полоска жёлтого света из коридора.

– Дядь Володя, ты спишь?

– Нет ещё. Заходи.

Славик плотно прикрыл за собой дверь и прошлёпал бо-

сыми пятками по полу.

– Дядь Володя, – прошептал племянник, залезая на одеяло. – Ты один в космос полетишь?

– Один, но со мной всё время будут разговаривать с Земли.

– Тебе можно свои вещи брать?

– Можно, целых два килограмма можно взять.

– Вот, будет грустно, почитай. Я всегда её беру, когда один дома.

На одеяло плюхнулся тёмный прямоугольник. Володя взял предмет в руки: настоящая бумажная книга в твёрдой обложке.

– Ух ты, спасибо.

Славик ушёл, со щелчком закрыв за собой дверь. Не вставая с кровати, Володя дотянулся до занавески. В свете оранжевого фонаря он различил надпись на обложке книги: «Робинзон Крузо».

Идеально для одиночной экспедиции за пределы Солнечной системы.

Это было бы смешно. Правда, хорошая шутка. Володя провёл пальцем по твёрдому краю обложки, погладил разлохмаченный уголок.

Славику так нравилась история про Робинзона, что её даже купили в бумажном варианте. Издание отличное, крупные буквы, яркие картинки, самое то для ребёнка. Володя пристроил книгу в изголовье и накрылся одеялом.

Завтра на космодром.

***

Ракету поставили вертикально. По стартовой площадке змеились кабели. Вверх-вниз по лесам вокруг ракеты ходили техники. Володя задержался на площадке наружной лестницы, пропустил двоих и снова зашагал вверх по ступеням. В руках он держал пластиковый контейнер весом один килограмм и девятьсот граммов.

Двух килограммов вещей он не собрал.

Погрузочный люк остался внизу. Через два лестничных пролёта стоял нараспашку «пассажирский». Пригнувшись, Володя нырнул внутрь ракеты, свернул направо: вот его спальное место, отдельное помещение с кроватью на стене, шкафом и даже узким столом. На корабле он будет один, но психологи посоветовали организовать подобие спальни. Получилась практически корабельная каюта.

Контейнер Володя убрал в стенной шкаф: во время старта разложенные вещи раскидает по каюте, лучше разобрать их после выхода в космос. Много времени это не займёт, там и раскладывать особенно нечего. На самом дне лежал подарок Славика. Посоветовавшись с братом, Володя пообещал Славику свозить его любимую книгу в космос и даже почитать вслух во время сеанса связи. Разрешат, разрешат, ничего страшного.

Рядом с бумажной книгой лежала электронная – не рабочий планшет, а личное устройство. Свободного времени в

космосе мало, план исследований расписан по часам, если не по минутам, но есть в расписании и отдых. Володя собирался посвятить его чтению классической литературы, до которой на Земле не доходили руки.

Остальное место в контейнере занимали рамка с фотографией, где Володя обнимался с братом, разноцветная картонная гирлянда «С Новым годом», потому что полёт продлится до марта следующего года, и две бутылки.

Пластиковую бутылку с настоящим, домашним вишнёвым соком Володя собирался открыть, когда ракета покинет Солнечную систему. Сока ему дома насовали целый чемодан. Жаль, чемодан не возьмёшь в космос, одну бутылку и то еле пропустили. Посоветовали взять соломинку – а то как в невесомости пить?

Пободаться пришлось из-за второй бутылки, стеклянной. Хрупкие вещи категорически запрещались, а пузатая стеклянная бутылка, по мнению контроля, только и ждала, чтобы разлететься по каюте тысячей смертоносных осколков.

Если от сока Володя ещё мог отказаться – в конце концов, рацион питания предполагал вишнёвый кисель, что тоже вкусно, – то в вопросе стеклянной бутылки он встал на смерть. Внутри пузатой бутылки была бригантина, которую смастерил ещё Володин дед. Бывший моряк, на пенсии он вспомнил полузабытое искусство создания кораблей в бутылках и даже собрал вокруг себя целый кружок таких же любителей.

В итоге сошлись на прозрачном пластиковом ящичке для бутылки.

Последней из личных вещей была плюшевая розовая мышь, но её следовало устроить в кабине. Мышь принадлежала ещё дочери Антона и летала с ним на МКС, после чего перешла по наследству следующему экипажу, который подобрался бездетный. Посетив с ними Лунную станцию, мышь осталась на Земле в ожидании очередного экипажа без детей. На сегодня она налетала больше тысячи суток.

Володя сунул дежурную мышь в карман, запер стеной шкафа и пошёл в кабину.

***

Первый месяц полёта прошёл идеально. Обстановка привычная: Володя не первый раз в космосе, дважды летал на Лунную станцию, а там смена восемь месяцев.

Ракета следовала расчётной траектории, погрешность не превышала допустимую, исследования выполнялись строго по плану. Когда задержка связи при общении с Землёй дошла до четырёх минут, Володя прочитал Славiku две страницы из «Робинзон Крузо» и рассказал, что при этом он пересекает орбиту Марса. Во время разговора у него над плечом парила розовая мышь. Детям нравилось видеть невесомость.

Жизнь в ракете шла своим чередом. Диспетчеры рассказывали последние новости, в меру шутили и отвечали на все расспросы. Так продолжалось ровно пятьдесят три дня.

На пятьдесят четвёртый день расстояние до Земли составляло 2,9 миллиарда километров, задержка связи – 2 часа 43 минуты. Часы показывали 6:52 по Гринвичу, почти десять по Москве.

В жилых помещениях разгорался дневной свет, который имитировал смену суток. Володя выпустил из рук пустой тубик из-под творога с ягодным пюре: по чётным числам он ел на завтрак творог, а по нечётным овсяную кашу с черносливом. Связь с Землёй только в семь, можно без спешки поест киселя. Володя потянулся за киселём – любимым, вишневым! – но замер с протянутой рукой.

Пустой тубик медленно дрейфовал вниз.

В невесомости понятие «низ» носило условный характер, но Володя по привычке считал низом корму ракеты. Пустой тубик медленно падал вниз.

Не глядя достав тубик с киселём, Володя осторожно разжал пальцы. Кисель тоже начал медленное падение. Невесомость исчезла.

***

Двое суток Володя не спал. Потом его погнали в кровать, но на Земле кипел мозговой шторм. ЦУП поднимал всех, кого ещё не успел всполошить, а ускорение ракеты росло.

Способы починки изобретались один за другим. К проблеме подключилась вся Земля. Несколько вариантов придумали на Лунной станции – туда как раз приехал Лёшка Григорьев, они с Володей два года назад летали на Луну.

Володя перепробовал всё, что ему предложили и что придумал сам. Единственное, чего удалось добиться – ракета перестала набирать ускорение.

Володя бродил по кораблю при 0,4g и не мог смириться с положением.

Он находится в миллиардах километров от Земли и всё быстрее и быстрее удаляется от дома. Миссия будет выполнена, он выйдет за пределы Солнечной системы. Но как же обратно?

Новые предложения с Земли поступали реже и звучали всё фантастичнее. Для выполнения одного из них Володе пришлось бы стать два сантиметра ростом.

Разговор с Дмитрием Алексеевичем, руководителем ЦУ-Па, состоялся на шестьдесят второй день полёта.

– Володя... Ну, ты сам понимаешь. Тут сказать нечего. В общем, связь с тобой будем держать до последнего.

Эти слова Дмитрий Алексеевич произнёс за семнадцать часов до того, как Володя их послушал. Из-за ускорения задержка связи росла на глазах.

– Я знаю, – ответил Володя и спустился в свою каюту.

Одиннадцать дней назад он переделал кровать из вертикальной в горизонтальную. На переделку ушло всего полтора часа. Стол пришлось отвинтить от пола и переставить в другой отсек, иначе кровать бы не влезла.

Володя растянулся на кровати. На дверцу шкафа он в первый же день наклеил фотографию с братом. Брату было

тридцать один, как ему сейчас. Оба щурились от солнца, волосы всклокоченные после игры в волейбол – ездили на природу отмечать день рождения Сашкиной жены.

Володя подумал, что у него нет на Земле ни жены, ни детей.

На месте не сиделось. Володя бродил по ракете, изобретал новые варианты и тут же их отбрасывал, что-то пробовал, советовался с ЦУПом и слушал ответы многочасовой давности.

На семьдесят третий день осознание накрыло лавиной. Он не вернётся.

Володя сел за стол, раскрыл рабочую тетрадь и вручную прикинул, на каком расстоянии от Земли находятся четыре зонда: два Пионера и два Вояджера. Его ракета превратилась в пятый зонд и уже оставила Пионеры с Вояджерами далеко позади.

Атомного ректора хватит на долгие годы. Володя посчитал, сколько километров ракета одолеет за время работы реактора. Разрядов в числе получилось много, но это если на пути ему не встретится никакое небесное тело. Скорее всего, не встретится. Отложив расчёты, он прикинул, что воды, еды и кислорода хватит на полтора года.

Полтора года – не так уж и мало. Если не сойти с ума, конечно.

Жаль, что нельзя сойти с ума по заказу, сумасшедшие ведь не понимают, что происходит. По заказу можно просто

уйти из жизни. Например, повеситься. В космосе – повеситься. А что, при 0,4g можно попробовать.

Э нет, это всегда успеется. Володя вернулся за стол, убрал начатую тетрадь и открыл чистую. На борту было ещё две чистых тетради, шесть запасных ручек и огромное количество свободного времени.

Конечно, с Земли смущённо просили продолжать исследования и Володя честно намеревался всё выполнить, однако у него останется время, чтобы создать своеобразный аналог золотых табличек Пионеров и Вояджеров. Бумажный аналог, меньший по объёму и не столь долговечный, зато... зато своего авторства.

***

Новая идея увлекла Володю. Для начала он изобразил то же, что и на золотых табличках – модель атома, расстояния до пульсаров, Солнечную систему, силуэты мужчины и женщины. Зонды несли на себе жемчужины земной культуры, великие произведения искусства, но этим добром забита читалка. Электроника корабля хранила сведения о полёте и, соответственно, об уровне развития науки. Володя решил увековечить то, чего на борту ещё не было.

Страница за страницей в тетради начала появляться краткий пересказ истории самой Земли – теория зарождения жизни и эволюции, появление динозавров с их словесным описанием и наброском диплодока внизу страницы, рассказ о происхождении человека.

В ЦУПе одобрили идею. Всё бы одобрили, лишь бы Володя не тронулся рассудком. Он это понимал, но упорно продолжал писать.

Раз уж дело дошло до истории человечества, ему предложили увековечить основные исторические события. Дмитрий Алексеевич подкинул мысль описать существующие на Земле виды флоры и фауны. А то динозавров он даже нарисовал, а почему орангутангов забыл или, допустим, кошек?

Услышав это, Володя расхохотался. Потом он посмотрел на своего диплодока, и ему стало стыдно – а ну как кто-нибудь увидит? Он же не художественную школу заканчивал. Длинная шея диплодока больше подходила жирафу. Точно, если ноги подлиннее нарисовать, ну вылитый жираф, только без пятен!

Потом Володя сообразил: да кто это увидит?

Через десять минут он снова взялся за ручку. Не сейчас, не через год и не через десять, а вдруг действительно это прочитает представитель разумной цивилизации? Вероятность встречи не меньше, чем у любого из четырёх зондов.

Но и не больше, что обидно.

Всё свободное время Володя проводил за рабочим местом. Когда ускорение только появилось, он пристроил в рубке стол из спальни – основной стол остался на потолке. Новый стол оказался рядом с иллюминатором, но его частично закрыл ящик с бригантиной. Рядом поселилась книга Дефо. В ней уже были описания некоторых растений и жи-

вотных, а Володя не хотел дублировать информацию и по-минутно заглядывал свериться.

Однажды в разговоре с Дмитрием Алексеевичем всплыл «Робинзон Крузо».

– Есть в этом какая-то ирония, – посетовал Володя.

– Там всё хорошо закончилось, – больше, чем через сутки ответил Дмитрий Алексеевич.

На этом тема заглохла.

***

На восемьдесят шестой день Володя послушал новости с Земли, внимательно изучил план исследований, передал племянникам привет от розовой мыши-путешественницы и вернулся за письменный стол.

Первым делом он сложил исписанные тетради. Подвинул ящичек с бутылкой, чтобы стопка поместилась на узкой столешнице. Раскрыл последнюю тетрадь на заложенном месте, снова подвинул ящичек. Крохотная бригантина в бутылке поставила все паруса – ждала попутного ветра.

Интересно, на чём плыл Робинзон? Может быть, на такой же бригантине?

Володя полистал страницы. Автор везде пишет «корабль». «Корабль» да «корабль», а что за корабль? Володя постучал ручкой по столу и снова полез в книгу. Не сказано. И ещё кое-что не сказано. А ведь это все делают, когда терпят кораблекрушение.

Быстро пролистнув начало, Володя присмотрелся к опи-

санию первых дней на острове. Ну точно! Робинзон Крузо не бросал в море бутылку с запиской. Неудивительно, что он столько просидел на острове.

Володя уставился на пузатую бутылку в ящичке. А почему нет? Понятно, что это глупо, но уж кому-кому, а ему терять нечего.

Ломать дедову бутылку он не стал. Допил сок из пластиковой, вытер её изнутри, написал записку. Свёрнутая трубочкой бумажка проскользнула в горлышко и расправилась внутри. Володя взвесил бутылку на ладони. Нет, так не годится, такую не выбросишь – останется в поле притяжения ракеты, вот смеху-то будет!

Внутрь пошла сломанная отвёртка и что ещё осталось от попыток ремонта. Под конец Володя проколол пару дырочек и завинтил крышку. Записке воздух не нужен.

Ради такого случая можно и самому наружу выйти. Володя упаковался в скафандр, сунул бутылку с запиской в карман и выбрался наружу. Держась рукой за металлические поручни, он развернулся спиной к ракете, примерился и швырнул бутылку так сильно, как только смог.

Бутылка с запиской мгновенно скрылась из виду. Потерялась в черноте космоса.

Вот оно, слабое место плана.

Володя скрежетал зубами, пока лез обратно в ракету. Едва стянув скафандр, он саданул кулаком по переборке. Как он не догадался?

Даже если кто-то встретится с бутылкой, её просто не заметят, она же маленькая, она разобьётся о борт вымышленной ракеты-спасателя, как крохотный метеорит.

Ну разве что сама ракета будет размером с бутылку.

***

Реакция ЦУПа не заставила себя ждать.

– Нет, ну ты молодец, конечно!

Володя сидел и слушал. Рассказывать о бутылке было стыдно, но вчера собрался с духом и сообщил. Сегодня ракету догнал ответ с Земли.

– Бутылку он там бросил, слышали? – продолжал Дмитрий Алексеевич. – Тебе радио на что? Сиди и рассылай SOS хоть целый день! Позиционные огни включи, на морзянку их настрой. Бутылку он, понимаете, бросил!

Сообщение прервалось. Володя представил, как дежурный психолог оттащил руководителя ЦУПа от микрофона и уговаривает не орать – космонавт и так на грани нервного срыва.

– Володя, это уже я, – сообщение продолжилось голосом Андрея Борисовича, первого заместителя, но Володя нажал на паузу.

Он и в правду с ума сошёл с этими бутылками.

Подавать сигнал бедствия, так по всем каналам!

Первым делом Володя настроил радиопередачу. С позиционными огнями ракеты пришлось повозиться – выстукивать ими морзянку никому ещё не доводилось и даже в го-

лову не приходило, поэтому Володя остановился на простом мигании.

По привычке он вернулся за рабочий стол. Неплохо бы дослушать сообщение из ЦУПа. А ещё он не выслал сегодняшние фотографии. Ладно, три секунды отдыха – и за работу.

Вокруг бригантины вспыхнул ореол света и тут же погас. Вспыхнул снова, резко очертив контуры судна и просвечивая паруса, и погас. Володя медленно отодвинул ящичек с бутылкой.

В иллюминаторе мигал огонёк.